

А. Н. Токарев

Первые шаги Октавиана в политике и образ «нового Цезаря»

В современных исследованиях все чаще встречаются утверждения о «предательстве» Октавианом в начале его политической карьеры Цицерона, сената и Республики [1, с. 370; ср.: 2, р. 91; 3, р. 21], которые были вызваны, в первую очередь, постоянным интересом историков к взаимоотношениям между Октавианом и Цицероном (идейным вдохновителем liberatores) [см., напр.: 2, р. 90–91; 4, S. 161 sqq; 5, р. 34–42]. Также свою роль сыграло заявление Октавиана в завещании о том, что он в 19 лет от рода вернул свободу государству (*rem publicam... in libertatem vindicavi*) (RGDA, 1). Исследователи усматривают в этом заявлении использование «республиканской фразеологии» и рассматривают его в контексте событий 27 г. до н. э., когда Октавиан «отказался» от власти и «восстановил» Республику [5, р. 41]. Таким образом, с одной стороны, уделяется чрезмерное внимание влиянию на идеологию Октавиана «республиканских» лозунгов, с другой — пропагандистские установки более позднего времени переносятся на 40-е гг. до н. э. В результате, агитация наследника Цезаря в начале его политической карьеры среди ветеранов и плебса, оказавшая существенное влияние на дальнейшее формирование идеологических образов, которая не была связана с «республиканизмом», *отчасти* остается «за кадром» [ср.: 6, с. 105]. Поэтому обращение к первым шагам Октавиана в сфере идеологии, несмотря на относительную изученность этой темы, представляется нам вполне обоснованным.

Убийство Цезаря застало Г. Октавия¹ в Аполлонии, где он проходил обучение военному делу среди македонских легионов, готовившихся к парфянской войне (App., V. C., III, 9). Их представители, а также друзья Октавия из Рима советовали поднять с помощью этих легионов восстание, причем Сальвидиен Руф и Агриппа рекомендовали принять это предложение (Nic. Dam., Vita Caes., 16; Vell. Pat., II, 59; App., V. C., III, 10). Однако наследник Цезаря благоразумно отказался (Suet., Div. Aug., 8).

Во-первых, Октавий был частным лицом, и такие действия однозначно следовало бы трактовать как мятеж против законной власти [ср.: 12, с. 50; 13, S. 15; 14, S. 533; 15, S. 220]. Во-вторых, ему шел только девятнадцатый год, и даже его легитимная политическая деятельность была для римского общества, основанного на традициях (римский «традиционализм»), чем-то из ряда вон выходящим [16, S. 383]. Цицерон, М. Брут и Т. Аттик неоднократно называют его в письмах *puer* (мальчик) (Cic., Ad Att., XIV, 12, 2; XVI, 11, 6; 15, 3; Fam., X, 28, 3; XI, 7, 2; Brut., I, 15, 7; 16, 2, 5–6; 17, 1, 4; 18, 3; ср.: Ad Att., XVI, 8, 1; Phil., IV, 3), М. Антоний — «мальчиком, всем обязанным своему имени (*puer, qui omnia nomini debes*)» (Cic.,

¹ Об именах Октавиана в различные периоды его жизни см.: [7, с. 136, прим. 49; 8, sp. 275–276; 9, р. 88; 10, S. 65–72; 11, 112–113].

Phil., XIII, 24; ср.: App., В.С., III, 43) [см.: 17, р. 362–373], хотя по римским представлениям он был уже *adulescens* (юноша) [18, с. 605]. Скрытый смысл заключался в том, что *puer* имел и другое значение — взбалмошный, легкомысленный, слуга, раб [19, с. 832; 20, р. 1478]. Показательно, что после Мутинской войны употребление этого слова в применении к Октавиану было запрещено постановлением сената (Serv., In Ver. Bucol., I, 42) [21, S. 406, Ann., 164], а Светоний говорит, что это оскорбление якобы даже стало поводом к разрыву с «оптиматами» (Suet., Div. Aug., 12; ср.: Dio Cass., XLVI, 41). В-третьих, обстановка в Риме была нестабильной и вряд ли Октавий имел более или менее достоверные сведения о происходящих там событиях [6, с. 107]. Можно только предполагать, что до наследника Цезаря доходили слухи о двусмысленных поступках М. Антония, претендовавшего на лидерство в «цезарианской» *partes*. Это тоже не давало повода для начала активных военных действий: ведь заговорщики и М. Антоний вполне могли объединиться против выскочки (в 40 г. до н. э. М. Антоний едва не начал штурм Брундизия, соединившись с Секстом Помпеем), чтобы завоевать политические симпатии римского общества [ср.: 22, р. 192].

Октавий, отказавшись от авантюры, прибыл в Италию в качестве частного лица. О том, что он вряд ли обладал обширной информацией о положении в Риме, говорит тот факт, что высадился он рядом с небольшим городком Лупии на Адриатическом побережье (Nic. Dam., Vita Caes., 17) [23, р. 28; 24, р. 10; 25, р. 174]. Однако прибыв в Брундизий, племянник погибшего диктатора получил торжественный прием со стороны ветеранов (App., В. С., III, 12). По мнению многих исследователей, именно эти настроения солдат повлияли на окончательное решение Октавия претендовать на наследство и принять имя погибшего диктатора [см., напр.: 6, с. 107; 10, S. 66; 25, р. 174].

Это давало ему весомые преимущества. Усыновление Цезарем, принятие его имени в глазах многочисленной цезарианской клиентелы означало и наследование положения диктатора. Солдаты и ветераны Цезаря, по сообщению Николая Дамасского, также смотрели на Октавия как на политического наследника (Nic. Dam., Vita Caes., 29).

По-видимому, уже на этой сходке Октавий поддержал лозунг «месть за Цезаря», впервые провозглашенный М. Лепидом еще 16 марта, через день после убийства диктатора (Nic. Dam., Vita Caes., 27) [ср.: 12, с. 30; 26, р. 89], который сыграл ключевую роль в формировании пропаганды Августа в начальный период его политической деятельности. Тогда же, скорее всего, были выдвинуты и другие лозунги, тесно связанные с последним: *pietas Caesaris* (что полностью соответствовало традиционным римским представлениям о *mos maiorum*) и имя *Caesar*. Все современные исследователи отмечают огромную важность имени диктатора для его приемного сына [см., напр.: 10, S. 10; 21, S. 386; 23, р. 28–29, 31; 27, р. 33]. Оно имело настолько большое значение для Октавия, что он даже пошел против традиций, игравших огромную роль в римской политической жизни. Объявив об усыновлении на сходке, он вел себя так, как будто оно было законным, хотя на самом деле легитимное *adoptio* состоялось только по куриатному закону в августе 43 г. [21, S. 402; ср.: 26, р. 100]. Более того, приняв имя умершего диктатора, Октавиан отказался от обыкновенного в этом случае добавления своего предыдущего *nomina*, что, как замечает В. Шмиттхеннер, «было полностью необычным и совершенно против традиции» [10, S. 67; ср.: 13, S. 13].

Однако стоит отметить, что дальше ветеранов и плебса эти лозунги не шли. Благодаря своей интуиции, а, возможно, и по совету своего «штаба» Октавиан занял откровенно выжидательную, нейтральную позицию по отношению к аристократии и «помпеянкам». Это расценивается сторонниками «восстановления» Республики как ориентация приемного сына Цезаря на «республиканизм» уже в начале его политической деятельности [1, с. 370; 28, с. 225; 29, с. 141–142, 144]. На самом деле наследник диктатора проводил многочисленные консультации с различными представителями

сенатской аристократии, прощупывая почву для легализации своего положения [ср.: 11, p. 113; 25, p. 174; 30, S. 17].

Д. Кинаст особо подчеркивает, что традиционное представление о существовании в сенате в 44 г. до н. э. трех политических групп: сторонников М. Антония, *liberatores* и умеренных «цезарианцев», которые не рассматривали восстановление «оптиматской» *res publica* как угрозу своему положению [ср.: 6, с. 114; 7, с. 140; 13, S. 14; 23, p. 42; 29, с. 134–135; 31, p. 13], ведет к слишком сильному упрощению более сложной ситуации этого времени [30, S. 27]. Так, например, плебейский трибун Л. Антоний, брат консула М. Антония, представил перед народной сходкой Октавиана, только что прибывшего в Рим, в надежде заполучить в нем для коте́рии Марка противовес в борьбе с П. Корнелием Долабеллой, другим консулом-«цезарианцем», претендовавшим на лидирующие позиции в политической борьбе того времени [см.: 26, p. 129; 32, p. 73].

Следует иметь в виду, что большинство в сенате составляли не «помпеянцы», а «цезарианцы». Нельзя забывать, что Цезарь расширил сенат до 900 членов и примерно 400 человек получили благодаря ему ранг сенатора. Кроме того, лидеры «освободителей» не присутствовали на заседаниях, опасаясь за свою жизнь, а вскоре и вовсе отправились на Восток, куда за ними последовали многие представители аристократической молодежи, настроенные «помпеянски» [30, S. 20].

К замечанию Д. Кинаста можно добавить, что римские аристократические коте́рии и *partes*, как мы показали ранее, не были не только настоящими партиями, но и настолько сплоченными, как их хотят видеть сторонники «республиканизма» Октавиана [см.: 1, с. 379]. Свидетельство Светония о том, что младший Цезарь перешел на сторону «оптиматов» (Suet., Div. Aug., 10), вряд ли аутентично. Взаимоотношения между политиками нередко проходили на уровне межличностных связей. Весьма показательно, что Октавиан сотрудничал не с «помпеянской» *partes* в целом, а только с Цицероном и еще с некоторыми просенатски настроенными аристократами, то есть это были контакты частного рода. Так, его отчим Л. Марций Филипп несколько раз встречался с Цицероном. По мнению М. Дж. Дж. Гро-Фоу и И. Ш. Шифмана, эти встречи следует, по-видимому, расценивать как элемент в политической игре Октавиана, который стремился внушить оратору превратные представления о своих целях [12, с. 45; 22, p. 193–196; ср.: 7, с. 135; 11, p. 128]. Нужно подчеркнуть, что Брут и Кассий относились к самому Октавиану и к его связям с Цицероном весьма отрицательно (Cic., Brut., I, 4, 5; 16, 1–2, 4–6; 17, 5; Plut., Cic., 45; Brut., 22).

Рассуждения Я. Ю. Межеричского о том, что «из далекой Аполлонии Цицерон представлялся Октавию живым классиком и романтическим борцом за свободу» также мало соответствуют действительности, как и заявления Ф. Б. Марша о том, что юноша изначально проникся большой любовью к «республиканским» обычаям и традициям [29, с. 135–136, 142, 144; 33, p. 223]. Несомненно, «восхищение» Октавия Цицероном [ср: 34, p. 152] — это «кабинетные реконструкции» современных историков. В римском обществе существовали различные понимания таких фундаментальных для римлян понятий, как «свобода», «республика», «мир». Д. Кинаст показывает на основе переписки Цицерона и Г. Матия, что знаменитый адвокат под свободой понимал «*die Freiheit der Optimatenrepublik*» («свобода оптиматского государства»), без которой невозможна *res publica*, тогда как для «цезарианца» Матия последнее — это абстрактное понятие. Также Д. Кинаст указывает, что Матий имел иное представление о *libertas*, и дает примеры «популярного» понимания *libertas* другими «цезарианцами». Поэтому, как совершенно справедливо заключает исследователь, «нельзя было ожидать от Октавиана какого-либо понимания аристократической *libertas*, и нельзя было требовать от него защиты *libera res publica*, о которой он ничего не знал» [30, S. 19–20].

Вместе с тем не стоит рассматривать знаменитого оратора как эталон римского патриота и пронизательного политика или носителя высоких моральных качеств [см., напр.: 35, с. 69]. Цицерон заявлял, что Октавиана следует использовать до тех пор, пока

он будет нужен в борьбе против М. Антония (Cic., XV, 12, 2; XVI, 8, 1; Fam., XII, 25, 4; Brut., I, 10, 3; I, 15, 7, 9. Ср.: Att., XVI, 14, 1; Brut., I, 14, 2), а затем и его «следует восхвалить, украсить, поднять (laudandum, ornandum, tollendum)» (Cic., Fam., XI, 20, 1; Suet., Div. Aug., 22) [ср.: 11, p. 122; 15, S. 223; 36, p. 161]. Ю. Малиц отмечает, что такая позиция арпинца вытекала из того, что противники сильно недооценивали юного наследника диктатора [21, S. 383], и особенно этим страдал сам знаменитый оратор. Видимо, как полагает Д. Шотер, он хотел возродить политику сраживания между собой Цезаря и Помпея, которую проводил Катон Младший [37, p. 89]. С. А. Утченко оправдывает Цицерона, считая, что это была чрезвычайно перспективная попытка добиться раскола в лагере «цезарианцев» их руками [38, с. 338–339; ср.: 1, с. 378–380]. Однако следует напомнить, что Цицерон неоднократно делал ставку на молодых политиков, которые с таким же постоянством «предавали» его. В годы первого триумvirата арпинец пытался привлечь на свою сторону Г. Куриона-младшего, вскоре благополучно перешедшего на сторону Цезаря (Cic., Att., II, 8, 1; 12, 2; 18, 1; Fam., II, 5, 2; VIII, 4, 2; ср.: Att., VI, 3,4; Fam., VIII, 6, 5), его примеру последовал и М. Целий Руф (Cic., Fam., VIII, 17, 1). Октавиан не стал первым молодым политиком после смерти Цезаря, на которого обратил внимание знаменитый оратор. Первой его ставкой был Долабелла. Цицерон с радостью воспринял размолвку между консулами-«цезарианцами». Он предпринял все усилия, чтобы увеличить разрыв между ними (Cic., Att., XIV, 15, 2; 16, 2; 17a; 18, 1; 19, 5; 20, 2, 4). Показательно, что, как и в случае с Октавианом, «помпеянцы» упрекали оратора за его чрезмерные похвалы в адрес Долабеллы (Cic., Att., XIV, 18, 1). И только после неудачи с последним Цицерон обратил свое внимание на Октавиана, но и здесь, как известно, потерпел крах.

Менее разработанным является вопрос о взаимоотношениях Октавиана и плебса и его деятельности как *popularis*. Остановимся на нем подробнее. Не менее важным, чем поддержка ветеранов, было для Октавиана в начале его политической деятельности формирование общественного мнения в благоприятном для себя свете. В сущности, эта задача стояла перед всеми борющимися за власть политическими группами, которые для этого использовали агитацию среди римского плебса на сходках (*contiones*), различные раздачи и зрелища.

Как ни странно, но именно Октавиан в этой гонке выглядел бесспорным фаворитом. Лидеры *liberatores* пользовались такой неприязнью плебса, что, опасаясь за свою жизнь, были вынуждены покинуть Рим уже в начале апреля (Nic. Dam., Vita Caes., 52; App., V. C., III, 6; Dio Cass., XLV, 6; ср.: Cic., Att., XII, 11, 1; XV, 20, 2) [ср.: 23, p. 37; 24, p. 13, 15; 32, p. 64]. М. Антоний утратил доверие римской черни, разогнав движение Лже-Мария, и пользовался, по словам Аппиана, не меньшей ненавистью со стороны народа (App., V. C., III, 3–4) [ср.: 6, с. 110; 11, p. 115; 13, S. 13; 30, S. 24]. В то же время наследник диктатора в очередной раз использовал политический капитал Юлия Цезаря, всю его эксплуатируя его имя. Таким образом, поддержка плебса была гарантирована ему *a priori*. Однако внимание Октавиана к пропаганде среди городской бедноты не удивительно, так как успехи его приемного отца не давали, конечно, весомых преимуществ в будущем.

Преобладающей точкой зрения среди современных исследователей на характер действий Октавиана в этот период стало мнение Р. Сайма, согласно которому поступки младшего Цезаря можно квалифицировать как демагогию и популизм, переплетенные с «цезарианской» пропагандой [11, p. 116; ср., также: 15, S. 221; 34, p. 152; 39, с. 65]. Такая оценка, подразумевающая абсолютную беспринципность наследника диктатора, и ведет к дальнейшим выводам о его «республиканизме» и защите «помпеянской» *libertas* в период Мутинской войны [28, с. 225]. Между тем, по нашему мнению, действия Октавиана можно охарактеризовать, опираясь на данные дошедших до нас источников, как деятельность «популяра».

В римском обществе по-прежнему считали, что старший Цезарь был защитником римского плебса [7, с. 141]. Цицерон в начале июня 44 г. до н. э. в письме к Л. Мутацию

Планку замечает: «...ведь он [Цезарь-старший] был популяром, как ты знаешь (*erat enim popularis, ut noras*)» (*Cic., Att., XVI, 16a, 3*; ср.: *Nic. Dam., Vita Caes., 50*).

Октавиан, прибыв в Рим и объявив городскому претору Г. Антонию о желании принять, согласно завещанию, наследство и имя Цезаря (*App., В.С., III, 14*; ср.: *Dio Cass., XLV, 5*), таким образом, заявлял и о наследовании «популярной» политики погибшего диктатора.

Действительно, вскоре выступив с речью на народной сходке, он сообщил, что собирается вступить в наследство для того, чтобы выполнить волю Цезаря и раздать каждому плебею по 300 сестерциев (соответствующее традициям проявление *pietas* по отношению к приемному отцу) (*Cic., Att., XIV, 20, 5*; *21, 3*; *XV, 2, 3*; *Nic. Dam., Vita Caes., 28*). Эти заявления еще больше увеличили популярность Октавиана и привели к конфликту с М. Антонием, который, опасаясь нового конкурента, помешал провести закон о его усыновлении в куриатных комициях и продолжал противодействовать ему в дальнейшем (*Liv., Epit., 117*; *Cass. Dio, XLV, 5*; *Flor., IV, 4*). В сложившихся условиях противостояние с М. Антонием было его единственным шансом начать борьбу за власть. Показательно, что и здесь Октавиан вел себя как *popularis*. В эпоху Поздней республики громкие процессы над известными политиками были обычным политическим дебютом для молодых римлян. Этой же дорогой пошел и наследник Цезаря. Он также начал обвинять в различных «преступлениях» одного из самых влиятельных политиков своего времени, что еще больше способствовало росту его известности среди простых граждан Рима.

В частности, его сторонники распространяли слухи о том, что М. Антоний скрывал хлеб, когда в апреле 44 г. до н. э. в Риме появились задержки с поставкой зерна (ср.: *Cic., Att., XIV, 3, 1*) [7, с. 140]. К этому добавлялись еще более тяжкие обвинения в расправе М. Антония над беднотой, восставшей под руководством П. Долабеллы еще при жизни Г. Юлия Цезаря (*Dio Cass., XLV, 6*; см.: *Liv., Epit., 113*; *Plut., Ant., 9*; *Dio Cass., XLII, 29–33*) [7, с. 136; 30, S. 24; 39 с. 65; ср.: 32, р. 65]. Сам Октавиан на многочисленных сходках напоминал плебейам о том, что М. Антоний допустил преступную несправедливость по отношению к памяти его приемного отца, не став мстить его убийцам, как и выплачивать народу завещанных диктатором подарков (*App., В. С., III, 28*; ср.: *Dio Cass., XLV, 6*). Младший Цезарь, израсходовав на выполнение воли Цезаря свое состояние, денежные средства матери и отчима, а также части наследства Л. Пинария и Кв. Педия и заслужив этим большое поощрение у плебса, приложил огромные усилия для того, чтобы раздачи воспринимались как подарки не от старшего Цезаря, а уже как денежные дары от лица самого Октавиана (*App., В. С., III, 23*).

На волне успеха среди римского плебса он предпринял первую попытку легализовать свое, по сути, незаконное положение, выдвинув собственную кандидатуру на место недавно скончавшегося плебейского трибуна, хотя он был патрицием и еще не был сенатором (*Suet., Div. Aug., 10*). Смысл этой акции вполне созвучен уже Диону Кассию: «Тогда он попытался получить должность плебейского трибуна, которая являлась исходной точкой популярности среди плебса, и обеспечить себе власть, которая должна следовать из этого» (*Dio Cass., XLV, 6*). Видимо, поддержка народного собрания была настолько серьезной, что совершенно уверенный в победе Октавиана М. Антоний попросту отменил довыборы в коллегию трибунов (*App., В. С., III, 31*).

Несмотря на эту неудачу, его популярность, как отметил В. Экк, стала политическим фактором [13, S. 14]. На это вполне определенно указывает Аппиан: «Цезарь... выбежал к ним... и кричал, что он сам подвергается преследованиям со стороны Антония за свою дружбу к народу, которая все еще являлась единственным его достоянием» (*App., В. С., III, 39*; пер. О. О. Крюгера; ср.: *Cic., Att., XVI, 8, 2*). Уже в июне, чтобы провести закон об обмене провинций, М. Антоний был вынужден пойти на союз с Октавианом, который, по сути, контролировал народное собрание (см.: *App., В. С., III, 29–30*). Позже, осенью 44 г. до н. э., «популярная» политика наследника Цезаря принесла ему еще более значимые дивиденды. Октавиан, начав

вербовку солдат, избрал своим плацдармом Этрурию (см.: Cic., Att., XVI, 8, 1), область, которая со времен Г. Мария являлась традиционной опорой populares [6, с. 111; 40, с. 17; 41, р. 11; ср.: 23, р. 50]. По мнению М. Сорди, именно здесь младший Цезарь из своих политических сторонников создал свою преторскую когорту [41, р. 14].

Еще одним «полем боя» для Октавиана стали театральные представления и зрелища, которые фактически были средствами массовой пропаганды. Цицерон в письме к Аттику в середине июля 59 г. до н. э. заявлял, что «о настроении народа можно судить главным образом по театру и зрелищам...» (Cic., Att., II, 19, 3, пер. В. О. Горенштейна) [ср.: 11, р. 116]. На протяжении всей своей переписки он постоянно интересуется реакцией простого народа на те или иные события (см.: Cic., Att., X, 12a, 6; XIII, 44, 1; XIV, 2, 1; 3, 2; XVI, 2, 3).

В сложившихся обстоятельствах, когда широкие слои населения не воспринимали «оптиматскую» идеологию [27, р. 64], liberatores задумали провести роскошные игры, надеясь, что «народ во время зрелища изменит свое мнение и вызовет обратно сторонников Брута» (App., В. С., III, 23, пер. О. О. Крюгера; ср.: Plut. Brut., 21) [см.: 3, р. 34; 7, с. 140–141; 12, с. 40; 23, р. 38; 26, р. 142–148; 42, р. 237; 43, р. 475; 44, S. 58;]. Игры в честь Аполлона (ludi Apollinares), прошедшие в начале июля 44 г. до н.э. на средства М. Брута, не принесли ожидаемого эффекта. Пропагандистский успех был сорван Октавианом, который в это время специально начал денежные раздачи плебсам по завещанию Цезаря (App., В. С., III, 24).

Уже во время празднований в честь Марса (ludi Martiales) и позднее игр в честь Цереры (ludi Cereales), организованных эдилом Критонием, по всей вероятности, в середине мая [11, р. 116, note 3], он попытался выставить на всеобщее обозрение курульное кресло Цезаря (sella curulis) и его диадему (cogona aura) (App., В. С., III, 28). Изображения imperii insignia (знаки высшей власти) играли огромную роль в предвыборной борьбе за высшие (курульные) должности в эпоху Поздней республики. Но золотой трон Цезаря после того, как состоялось сенатское постановление, на основании которого во время всех зрелищ полагалось выставлять его в честь диктатора рядом с местами для богов, стал индикатором не только высшей власти, но и намекал на его божественность [46, S. 427–428]. Для Октавиана демонстрация этих символов подчеркивала его *сыновнюю* pietas, т.е. вводила его в круг семьи Цезаря. И хотя М. Антоний через народных трибунов не позволил провести эти акции, он все равно сумел использовать игры с выгодой для себя.

Еще большего Октавиан добился в конце июля, во время проведенных им самим игр в честь победы Цезаря при Тапсе (ludi Victoriae Caesaris), превратившихся в мощную пропагандистскую кампанию приемного сына диктатора [23, р. 38; 26, р. 150–153; 34, р. 152]. Роскошные зрелища были увязаны с продолжавшимися денежными раздачами и широкой агитацией (Nic. Dam., Vita Caes., 28). В частности, он использовал в своих целях религиозное почитание Цезаря плебсом, возникшее сразу после его гибели [47, с. 230–232]. В период игр на небе появилась комета, что было расценено простым народом как несомненное доказательство принятия старшего Цезаря в сонм богов (Hor., Od., I, 12, 46–48; Suet., Div. Iul., 88; Plin., NH, II, 93–94; Dio Cass., XLV, 7). Воспользовавшись случаем, Октавиан разместил на статуях погибшего полководца над головой звезду, как символ его «бессмертия» [см.: 5, р. 34; 26, р. 153; 48, с. 132–133; 49, р. 39; 50, р. 154; 51, р. 257 sqq.; 52, р. 10–11; 53, р. 5 sqq.]. Эта акция была широко растиражирована с помощью монетной агитации [27, р. 26, 59; 54, р. 548; 55, р. 580; 56, р. 26, 59]. Таким образом, он, ни много ни мало, продолжал «популярную» линию поведения Лже-Мария, которая стоила тому жизни.

М. Антоний и на этих играх не разрешил показ insignia Caesaris, но для Октавиана было важным то, что в их организации приняли участие amici и familiares Цезаря (Cic., Att., XV, 2, 3; XVI, 15, 3; Fam., XI, 28, 6), а многие плебеи и ветераны стали смотреть на него как на нового Цезаря (App., В.С., III, 28; ср.: Dio Cass., XLV, 7).

Было бы странным, если бы в этих условиях Октавиан перешел на сторону или заключил союз с «помпеянами». Но именно такое мнение утвердилось в современной историографии. Историки даже стали называть его «противоестественным симбиозом» [1, с. 380; 29, с. 135]. На самом деле, на наш взгляд, события развивались несколько иначе. Осенью 44 г. до н.э. разногласия между наследником Цезаря и М. Антонием достигли критической точки. После того, как консул отправился в Брундизий, куда прибыли легионы из Македонии, Октавиан, опасаясь остаться перед ним безоружным, сумел достаточно быстро собрать в Кампании около 3 тыс. ветеранов (Nic. Dam., Vita Caes., 31; App., В.С., III, 40). С этими силами он двинулся к Риму. При этом Октавиан объявил себя «вождем» в предстоящей войне с М. Антонием.

2 ноября Цицерон сообщает об этих событиях Аттику, но сомневается в этой авантюре: «За кем следовать? Прими во внимание имя, прими... возраст». Оратор отмечает, что, по словам Октавиана, «мы не должны отказывать ему в поддержке» (Cic., Att., XVI, 8, 1–2; пер. В. О. Горенштейна). Итак, до 2 ноября никаких договоренностей не было. Наследник Цезаря всего лишь решил использовать личного врага М. Антония — Цицерона для укрепления своих позиций. 4 и 5 ноября Октавиан заваливает письмами арпинца с просьбой о том, чтобы тот «взялся за дело», явился в Рим (Cic., Att., XVI, 9, 1; 11, 6). Конечно же, Цицерон не приехал в Рим и «не взялся за дело» [ср.: 5, р. 38; 12, с. 50; 13, S. 15; 14, S. 533; 15, S. 220; 33, р. 179; 40, с. 16; 57, с. 139; 58, S. 6 sqq; 59, S. 476]. В середине ноября он пишет Аттику: «если Октавиан очень силен, то указы тирана будут одобрены гораздо тверже... и это будет направлено против Брута» (Cic., Att., XVI, 14, 1; пер. В. О. Горенштейна).

Причины этой интенсивной переписки были банальными. В сущности, младший Цезарь был бунтовщиком, набравшим на частные средства «личную» армию и выступившим против римского консула. Это был мятеж против законной власти [15, S. 220]. Октавиан крайне нуждался в легализации своего положения. Ведь «цезарианский» сенат, который до конца надеялся на мир с М. Антонием, вполне мог признать наследника диктатора «врагом государства». Насколько была нужна ему помощь Цицерона? И много ли было сторонников Цицерона в сенате? Ведь лидеры *liberatores*, как мы упоминали, покинули Рим еще весной, и вскоре за ними отправились многие «помпеянски» настроенные аристократы. Конечно, дело в процедуре заседаний римского сената. Молодому Цезарю была нужна *auctoritas* оратора. Цицерон был консуляром, знаменитым политиком и в обсуждении высказывал свое мнение одним из первых. Как общеизвестно, большинство сенаторов просто поддерживало ту или иную точку зрения одного из авторитетных политиков. То есть с его помощью Октавиан надеялся получить официальную поддержку своим действиям со стороны высшего государственного органа [ср.: 6, с. 110].

Прибыв в Рим, он обратился с речью к народной сходке. С точки зрения сторонников «республиканизма», можно было бы ожидать от этого выступления «республиканской» риторики. Однако оно было выдержано в духе *pietas Caesaris* [ср.: 26, р. 161–168; 40, с. 16; 60, р. 11]. Мало того, Дж. Сами приводит серьезные доводы в пользу того, что Октавиан апеллировал к самым горячим сторонникам Юлия Цезаря, из-за которых лидеры *liberatores* и были вынуждены покинуть Рим [26, р. 166]. В своей речи младший Цезарь напомнил о заслугах своего приемного отца, обрушился с обвинениями на М. Антония и объявил, что готов начать военные действия против него, но в то же время настаивал на легальности своих действий, подчеркивая, что всегда будет стоять на страже законов (ср.: App., В. С., III, 41, 48; Dio Cass., XLV, 12). Последнее заявление позволяет думать, что Октавиан якобы объявил себя сторонником сенатской *res publica*. Так, к примеру, полагает В. Эдер [2, р. 89; см., также: 61, с. 77]. Однако тот же Дж. Сами обоснованно считает, что с помощью таких заявлений Октавиан стремился завуалировать свое незаконное положение (*privatus*) [26, р. 167]. Неудивительно, что, получив эту речь, Цицерон был крайне возмущен: «Но какая речь

на народной сходке! Он клянется [в верности законам]... и одновременно протягивает правую руку к статуе [Юлия Цезаря]. Не рассчитывай на спасение под началом вот этого» (Cic., Att., XVI, 15, 3; пер. В. О. Горенштейна).

В конце концов, Октавиан, благодаря в том числе и Цицерону, добился того, чего так страстно желал с начала своей политической деятельности, а именно легализации своего положения. Он стал сенатором, получил ранг пропретора и возглавил совместно с новыми консулами военные действия против М. Антония (RGDA, I; Liv., Erit., 118; App., B.C., III, 51; Plut., Cic., 45; Dio Cass., XLVI, 29). Вынужденный передать свою «армию» под командование А. Гирция и Г. Пансы, младший Цезарь в этом «триумвирате» играл второстепенную роль. И только «счастливый» для него случай — гибель обоих консулов — позволил ему стать во главе войска. Стремясь сохранить свою власть, Октавиан принял решение добиваться консульства. С помощью войска он достиг поставленной цели, став консулом 19 августа 43 г. до н. э. (RGDA, I; Dio Cass., XLVI, 45).

Получив свободу действий, наследник Цезаря не изменил своим убеждениям. Через куриатные комиции он провел закон о своем усыновлении (App., B.C., III, 94; Dio Cass., XLVI, 47). Также с его подачи был принят закон Кв. Педия, по которому убийцы Цезаря подвергались судебному преследованию (RGDA, II; Liv., Erit., 120; Dio Cass., XLVI, 48). Кроме того, приемный сын диктатора смог сделать самое важное: выплатить ветеранам обещанные им подарки (App., B.C., III, 94; Dio Cass., XLVI, 46), ведь раздача *donativa* играла в его политике одну из главных ролей.

Несколько позднее между М. Антонием, М. Лепидом и Октавианом был заключен союз, оформленный в виде чрезвычайной магистратуры, получившей название *tres viri rei publicae constituendae per quinquennium* (триумвиры для устройства государственных дел сроком на пять лет) (Liv., Per., 120). А вслед за этим последовали проскрипции. Апогеем «цезарианской» пропаганды стал эдикт о проскрипциях, полностью дошедший до нас в изложении Аппиана (App., B.C., IV, 8–11). Ключевым в нем был лозунг «месть за Цезаря». С точки зрения Я. Ю. Межеричко, этот документ вообще не содержал «республиканской фразеологии», что, по мнению исследователя, видимо, говорит о его «монархическом» характере [29, с. 144]. Однако П. Вальманн более обоснованно указывает на то, что триумвиры старались подчеркнуть легальность их действий, что они якобы всегда действовали в рамках закона, тогда как убийцы диктатора обвинялись в «государственных преступлениях», «измене родине» [62, S. 45–52]. Триумвиры стремились показать, что их интересы и интересы плебса полностью совпадают, и вообще эдикт должен был вызвать симпатии нижних слоев населения [62, S. 52; ср.: 59, S. 478]. Другими словами, этот документ был полностью выдержан в рамках римского «традиционализма» и пропитан духом «популярной» агитации. Естественно, что о его «монархическом» характере речи не идет.

Между тем некоторые современные историки все равно отмечают в агитации наследника Цезаря в это время «республиканские» черты. В частности, Э. Рэмейдж видит его стремление противопоставить свои действия политике Г. Юлия Цезаря, которого «считали» тираном, деспотом и «разрушителем Республики» [63, S. 224 sqq.]. Как пример исследователь приводит ауреус Октавиана, чеканенный, по-видимому, в 43 г. до н. э.¹ На аверсе изображен Октавиан с непокрытой головой, вокруг легенда *S CAESAR COS[ul] PONT[ifex] AUG[ur]* (Г. Цезарь консул, понтифик, авгур); на реверсе изображена голова Цезаря в золотой диадеме, окруженная легендой *S CAESAR DICT[ator] PERP[etuo] PONT[ifex] MAX[imus]* (Г. Цезарь вечный диктатор, великий понтифик).

По мнению Э. Рэмейджа, здесь изображены разрушитель и реставратор Республики, на что указывает легенда. Цезарь назван вечным диктатором, но эта экстраорди-

¹ Датировка А. Коэна — 44 г. до н. э. представляется слишком ранней; мнение Х. А. Грюбера, согласно которому монета была выпущена в 40 г. до н. э., не находит поддержки у других numismатов [55 p. 404; 64, p. 21; ср.: 63, S. 224, note 5].

нарная магистратура была запрещена по предложению М. Антония сразу после смерти Цезаря как раз из-за того, что тот злоупотребил своим положением. Тогда как Октавиан назван консулом, что якобы должно намекать на его приверженность к «республиканским ценностям». Кроме того, исследователь отмечает, что Октавиан изображен с непокрытой головой, а Цезарь носит золотую диадему, что как будто свидетельствует о его монархических наклонностях [63, S. 224–225].

Тонкое наблюдение Э. Рэмейджа над стремлением Октавиана выйти из тени своего приемного отца и приуменьшить его успехи заслуживает большого внимания с точки зрения формирования официальной идеологии Принципата, однако, по нашему мнению, эта тенденция зародилась позже¹. В 40-х гг. до н. э. для Октавиана была важна легитимизация его положения. Образ Цезаря был одним из краеугольных камней политической пропаганды наследника диктатора, направленной на его интеграцию в политическую систему Рима [26, p. 179]. Выпуск монет с совместным изображением Октавиана и Цезаря как раз и служил таким целям.

Во-первых, монета должна была подтвердить усыновление Цезарем Октавиана, что было немаловажно, так как официально, законно усыновление состоялось только в августе 43 г. до н.э. Во-вторых, юный наследник демонстрировал свою *pietas* по отношению к погибшему отцу [ср.: 44 S. 32; 59, S. 477]. Что касается легенды, то следует обратить внимание на то, что наряду с титулами «консул» и «диктатор» находится жреческая титулатура «понтифик», «авгур». Другими словами, ауреус должен был продемонстрировать высокое общественное положение обоих политиков.

В пользу нашего мнения свидетельствуют также данные К. Мадерны-Лаутер, исследовавшей геммы и камеи эпохи Августа. Исследовательница отмечает, что политические цели молодого Цезаря пропагандировались в этот период также с помощью значительной серии (сохранилось более чем 100 экземпляров) портретных гемм, изготовленных преимущественно из стеклянной пасты, которые вновь и вновь указывают на тесную связь Октавиана с его приемным отцом [65, S. 445, 466, Kat. 241]. Она подчеркивает, что практически вся эта серия состояла из недорогих стеклянных паст и, весьма вероятно, что эти камеи находились во владении многочисленной клиентелы, которую Октавиан унаследовал от Цезаря и которая составляла важную основу его кoterии. Любопытно, что К. Мадерна-Лаутер даже предполагает, что эти геммы могли выполнять функцию «партийного значка» и распределялись, возможно, в больших количествах среди определенных кругов населения, чтобы завоевать новых приверженцев. По ее мнению, молодой политик раздавал многочисленные геммы с портретом Цезаря для того, чтобы подчеркнуть выражение законности его притязаний на наследство и его связь с погибшим диктатором [65, S. 445].

Что касается непокрытой головы Октавиана на ауреусе как символа его «республиканизма» и золотой диадемы Цезаря как индикатора монархизма, то и здесь предположение Э. Рэмейджа имеет слабые обоснования. Изображение диадемы на монете, по нашему мнению, служит напоминанием пропагандистской акции молодого наследника, предпринятой на *ludi Victoriae Caesaris*, когда он попытался выставить на всеобщее обозрение золотой трон и диадему погибшего диктатора с целью почтить его память [ср.: 11, p. 116; 27, p. 36]. Т. Шефер предложил остроумное решение проблемы многочисленности вышеупомянутых портретных гемм. Кстати, на некоторых из них как раз и был изображен золотой трон Цезаря. По его мнению, эти геммы были предназначены для массовой раздачи именно во время игр в честь Цезаря [46, S. 430, Kat. 210].

Еще одним подтверждением этому служит изображение денария, чеканенного, по всей вероятности, в 43–42 гг. до н.э. На аверсе все та же обнаженная голова Октавиана, на реверсе изображено курульное кресло, увенчанное диадемой. На *sella curulis* помещена та же легенда, что и на ауреусе: CAESAR DIC[tator] PER[petuo] [55, p. 405].

¹ С иных позиций Э. Рэмейджа критикует П. Вальманн: [62, S. 58, Anm. 77].

Никакого противопоставления юного наследника и диктатора здесь нет и в помине. Напротив, Октавиан стремится как можно теснее связать себя со знаменитым полководцем, создавая образ «нового Цезаря».

В свою очередь, В. Триллмих видит в серии ауреусов монетария триумвиров Л. Ливинея Регула «республиканский» характер. На аверсах помещены портреты триумвиров М. Эмилия Лепида, М. Антония и Октавиана. На реверсах — изображения мифических предков соответствующего рода: весталка Эмилия, сын Геракла Антон и Эней, родоначальник Юлиев [59, S. 478, Kat. № 210, 292, 293]. Здесь налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». Помещение на монетах символов и изображений, прославляющих или подчеркивающих знатность и древность рода, было характерно для всех без исключения римских политиков, независимо от их политических взглядов [ср.: 27, р. 44 sqq.]. Образы легендарных предков помещали на денариях и Г. Юлий Цезарь, во время диктатуры [55, р. 469] и М. Брут, после мартовских ид.

Таким образом, по нашему мнению, для Октавия первостепенной задачей в начале его политической карьеры была легализация его деятельности. В сфере идеологии существовала не менее амбициозная цель, а именно создание образа «нового Цезаря» в первую очередь у ветеранов и плебса. И то, и другое ему удалось.

Заявления некоторых современных исследователей об ориентации Октавиана на «республиканизм» в период его ранней карьеры по большому счету некорректны, так как ни один из его поступков нельзя напрямую интерпретировать как «республиканскую» акцию. В своей деятельности Октавиан опирался на традиционные римские представления (подчеркнем еще раз, характерные для всех римских политиков), широко использовал «цезарианские» лозунги, а самое главное, его деятельность абсолютно четко вписывается в рамки политики *populares*. Создание образа «нового Цезаря» требовало от него наследования действий «популяр» Юлия Цезаря.

Ключевые слова: Октавиан, Цицерон, образ «нового Цезаря», «республиканизм».

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века республики. — СПб., 2005.
2. Eder W. Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link between Republic and Empire//Between republic and empire: Interpretations of Augustus and his principate. — Berkeley etc., 1990.
3. Shotter D. Augustus Caesar. — L., 1999.
4. Bellen H. Cicero und der Aufstieg Oktavians//Gymnasium. — 1986. — Bd. 92.
5. Southern P. Augustus. — L.; N.-Y., 1998.
6. Парфенов В. Н. Начало военно-политической карьеры Октавиана//АМА. — 1979. — Вып. 4.
7. Машкин Н. А. Принципат Августа. — М.; Л., 1949.
8. Fitzler K., Seck O. Iulius (Augustus)//RE. — 1917. — Hbbd. 19.
9. Rubincam C. The nomenclature of Julius Caesar and the later Augustus in the triumphal period//Historia. — 1992. — Bd. 41. — H. 1.
10. Schmitthenner W. Oktavian und das Testament Cesärs. — München, 1973.
11. Syme R. The Roman revolution. — L., 1939.
12. Шифман И. Ш. Цезарь Август. — Л., 1990.
13. Eck W. Augustus und seine Zeit. — München, 2003.
14. Löwenstein K. Die Konstitutionelle Monokratie des Augustus//Augustus. — Darmstadt, 1985.
15. Welwei K.-W. Augustus als vindex libertatis. Freiheitsideologie und Propaganda im frühen Prinzipat//Res publica und Imperia. — Stuttgart, 2004.
16. Malitz J. «O puer qui omnia nomini debes». Zur Biographie Octavians bis zum Antritt seines Erbes//Gymnasium. — 2004. — Bd. 111.

17. *McCarthy J. H.* Octavianus Puer//CPh. — 1931. — Vol. 26.
18. *Кнабе Г. С.* Рим Тита Ливия — образ, миф и история//Тит Ливий. История от основания города. — М., 1993. — Т. 3.
19. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. — М., 2000.
20. *A Latin Dictionary/Rev. by Ch.T. Lewis, Ch. Short.* — Oxf., 1958.
21. *Malitz J.* «O puer qui omnia nomini debes». Zur Biographie Octavians bis zum Antritt seines Erbes//Gymnasium. — 2004. — Bd. 111.
22. *Graw-Fow M. J. G.* A stepfather's Gift: L. Marcius Philippus and Octavian//G&R. — 1988. — Vol. 35. — № 2.
23. *Carter J. M.* The Battle of Actium: the rise and triumph of Augustus Caesar. — L., 1970.
24. *Parain Ch.* Octave-Auguste: La naissance d'un pouvoir personnel. — P., 1978.
25. *Tober M.* Ocavian's arrival in Rome, 44 B. C.//CQ. — 2004. — Vol. 54. — № 1.
26. *Sumi G. S.* Ceremony and power. — Ann Arbor, 2005.
27. *Zanker P.* The power of images in the age of Augustus. — Ann Arbor, 1988.
28. *Крест К.* История времен римских императоров от Августа до Константина. — Ростов-на-Дону, 1997. — Т. 1.
29. *Межеричкий Я. Ю.* Республканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994.
30. *Kienast D.* Augustus: Prinzeps und Monarch. — Darmstadt, 1999.
31. *Jones A. H. M.* Augustus. — L., 1970.
32. *Yavetz Z.* Plebs and princeps. — Neu Brunswick; Oxf., 1988.
33. *Marsb F. B.* The Founding of the Roman Empire. — Westport, 1975.
34. *Beacham R.* The Emperor as Impresario: Producing the Pageantry of Power//The Cambridge Companion to the Age of Augustus. — N.-Y., 2005.
35. *Бейкер Дж.* Август. Первый император Рима. — М. 2003.
36. *Scullard H. H.* From the Gracchi to Nero. — L., 1963.
37. *Shotter D.* The Fall of the Roman Republic. — N.-Y., 1994.
38. *Утченко С. А.* Цицерон и его время. — М., 1973.
39. *Ферфери Г.* Величие и падение Рима. — М., 1916. — Т. 3.
40. *Пафенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. — Саратов, 1987.
41. *Sordi M.* Ottaviano e l'Etruria nel 44 a. C.//SE. — 1972. — Vol. 40. — Ser. 2.
42. *Carcopino J.* Les secrets de la correspondance de Cicéron. — P., 1947. — Т. 2.
43. *Gagé J.* Apollon Romain. Essais sur le culte d'Apollon et le développement du «ritus Graecus» à Rome des origines à Auguste. — P., 1955.
44. *Sousa V. de.* Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern der spätrepublikanischen und augusteischen Zeit. — München, 1974.
45. *Bringmann K., Schäfer Th.* Augustus und die Begründung des römischen Kaisertums. — B., 2002.
46. *Schäfer Th.* Sella curulis und fasces als Paradigma//Kaiser Augustus und die verlorene Republik. — B., 1988.
47. *Цветева Г. А.* Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март-апрель 44 г. до н. э.)//ВДИ. — 1947. — № 1.
48. *Абрамзон М. Г.* Астральные символы в римской чеканке: происхождение и развитие монетных типов//ВДИ. — 2002. — № 1.
49. *Barton T.* Ancient Astrology. — N.-Y., 1994.
50. *Harrison S. J.* Homage to Horace. — Oxf., 1995.
51. *Scott K.* The Sidus Iulium and the Apotheosis of Caesar//CPh. — 1941. — Vol. 36.
52. *Wagenvoort H.* Studies in Roman Literature, Culture and Religion. — Leiden, 1956.
53. *Williams M. F.* The Sidus Iulium, the divinity of men, and the Golden Age in Virgil's Aeneid//Leeds International Classical Studies. — 2003. — Vol. 2. — № 1.
54. *Grueber H. A.* Coins of the Roman Republic in the British Museum. — Oxf., 1970. — Vol. 1.
55. *Grueber H. A.* Coins of the Roman Republic in the British Museum. — Oxf., 1970. — Vol. 2.

56. *Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. — L., 1965. — Vol. 1.
57. *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (ист. очерк)//АМА. — 1983. — № 5.
58. *Schmitthenner W.* Politik und Armee in der späten Römische Republik//HZ. — 1960. — Bd. 190.
59. *Trillmich W.* Münzpropaganda//Kaiser Augustus und die verlorene Republik. — В., 1988.
60. *Scott K.* The Political Propaganda of 44–30 B. C.//MAAR. — 1933. — Vol. 11.
61. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. — Л., 1985.
62. *Wallmann P.* Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat. — Frankfurt a. Main, 1989.
63. *Ramage E. S.* Augustus' treatment of Julius Caesar//Historia. — 1985. — Bd. 34. — Н. 2.
64. *Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appellées medailles imperiales. — P., 1880. — Т. 1.
65. *Maderna-Lauter C.* Glyptik//Kaiser Augustus und die verlorene Republik. — В., 1988.

Резюме

Токарев А. М. Перші кроки Октавіана в політиці та образ «нового Цезаря»

У статті розглядається політика Октавіана в сфері ідеології на початку його кар'єри. У цей час для Октавіана головним були легітимація його положення та створення образу «нового Цезаря». На думку автора, жоден з його вчинків не можна інтерпретувати як «республіканську» акцію. Октавіан спирався на традиційні римські уявлення, широко використовував «цезаріанські» гасла, і його поведінка повністю вписується в рамки політики *populares*. Створення образу «нового Цезаря» жадало від нього спадкування дій «популяр» Юлія Цезаря.

Ключові слова: Октавіан, Цицерон, образ «нового Цезаря», «республіканізм».

Summary

A. Tokarev. Octavian's Early Political Career and Image of a «New Caesar»

The article is devoted Octavian's policy in ideology sphere in his early career. A legitimation of the political position and creation of an image of «new Caesar» were the main thing for Octavian at this time. According to the author, no of his acts can be interpreted as the «republican» action. Octavian relied on the traditional Roman representations, widely used «Caesarian» slogans, and his activity is completely entered in the frameworks of a *populares* policy. Creation of an image of «new Caesar» demanded from him inheritance of «popularis» Julius Caesar actions.

Key words: Octavian, Cicero, image of «new Caesar», «republicanism».

